

УДК 81.111'42
ББК 81.141.2-4

АМЕРИКАНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XX–XXI вв. О РОССИИ В КАТЕГОРИЯХ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Орлова Олеся Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета
orlovaog@mail.ru
ул. Красная, 6, 650043 г. Кемерово, Российская Федерация.

Аннотация. В статье дано авторское определение дискурса, рассмотрены методологические основы применения дискурс-анализа, предложена методика дискурс-анализа публицистического текста, которая заключается в последовательном и взаимосвязанном описании дискурсоформирующих категорий: хронотопа (время и место дискурса), топиков дискурса и идеологических концептов, реализующихся в оппозиционных парах, агентов и клиентов, актуализирующих такое свойство дискурса, как диалогичность. Методика является комплексной и позволяет корректно идентифицировать идеологическое содержание дискурса в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, категории дискурса, американская публицистика, концепт.

Приоритеты в определении проблематики и подходов в дискурсивных исследованиях, принадлежат, по мнению В.Г. Кузнецова, Женевской лингвистической школе [2, с. 31–32]. Позже (в рамках французской школы дискурс-анализа) было обосновано наличие имплицитного в дискурсе, связанного с его идеологической составляющей [3]. Постановка в центр дискурсивных исследований вопроса об идеологии обусловила интерес современных ученых к дискурсу как средству удержания власти. В работах, выполненных в русле этого направления, ведется анализ медиадискурса с точки зрения формирования им ценностей и предпочитаемых идеологий [5].

В данной статье мы предлагаем понимать дискурс как социально детерминированный тип общения, формой выражения и фиксации которого являются тексты. В процессе дискурс-анализа изучению подлежат тексты. С учетом того, что всякий текст является «представителем» своего дискурса, термином «дискурс» можно именовать и весь текст, и

его часть, выраженную предложением или рядом предложений. Эта терминологическая замена допустима в тех случаях, когда необходимо выявить и описать дискурсивную природу изучаемых явлений. Жанр по отношению к тексту понимаем как схему, когнитивную модель реализации замысла, по отношению к дискурсу – как форму осуществления общения в рамках заданной социальной практики.

Для определения подходов к дискурс-анализу мы сопоставляем положения французской школы анализа дискурса с категориями дискурс-анализа, разработанными современными отечественными лингвистами [1]. Так, условия порождения дискурса соотносимы с категорией хронотопа (контекстуальными элементами дискурса); идеологическая составляющая – с категорией топиков и концептов дискурса; диалог автора, теряющего свою авторскую суверенность, и «другого» («уже сказанного» в дискурсе) – с категорией агента и клиента дискурса. С учетом такого соотношения нами разработана методика дискурс-

анализа, предполагающая последовательное и взаимосвязанное описание (анализ) перечисленных дискурсообразующих категорий. Эта методика дает возможность проводить многосторонний анализ дискурса, позволяющий адекватно наличествующим в реальности идеологическим позициям «понимать» тексты межкультурной коммуникативной среды.

Путем описания дискурсоформирующих категорий, а именно: хронотопа дискурса, топиков и идеологических концептов дискурса, агентов и клиентов дискурса – охарактеризуем американский публицистический дискурс XX–XXI вв. о России. В качестве источника использованы публикации газеты «The New York Times» за период с 1961 по 2013 год. Эти тексты представляют особый исследовательский интерес, поскольку именно Соединенные Штаты Америки, будучи государством, доминирующим в мировом информационном пространстве, во многом определяют вектор оценивания различных стран, в том числе и России. Анализ дискурсоформирующих категорий предполагает экспликацию факторов, определяющих специфику текстов о России и в конечном итоге образов России, создаваемых в данном дискурсе.

Хронотоп как одна из категорий американского публицистического дискурса о России анализируется с учетом особенностей времени и места (условий) создания дискурса.

В современной новостной журналистике *время* является категорией, определяющей актуальность информации. Благодаря такому каналу связи, как Интернет, временной промежуток между получением новости редакцией и ее опубликованием сокращается. Все изученные публикации газеты «The New York Times» имеют заголовок, указание на авторство, дату, место, где произошло событие, например: “*Protesters and Merkel Criticize Putin, Who Wears a Smile*”, By MELISSA EDDY, Published: April 8, 2013, BERLIN (NYT. 2013. Apr. 8).

Особенностью времени медиадискурса является его жанровая закреплённость. Для *hard news* (заметки, или хроникальной информации в российской классификации жанров) время служит важнейшим указателем на сам жанр. Публикации этой группы жанров должны обладать характеристиками новизны, ак-

туальности; время в текстах этого жанра «точечное». В текстах такого жанра, как обзорное, время протяженно: в них говорится о событиях, не локализованных во времени, а относящихся к целому периоду, имеющему какие-либо рамки. В следующем примере время событий дискурса – середина 2000-х – конец 2011 г.: *Russia's relations with the West are again plunging. This time the cause is repression in Russia and the Western reaction to it. Last time it was the invasion of Georgia in 2008, and before that NATO expansion to the east. <...> In late 2011 he began facing large demonstrations against his government. <...> Seemingly unnerved by the opposition, Putin is responding with repression. Last May the police beat participants in a Moscow demonstration. Fearing a democratic “color revolution” – as Georgia and Ukraine experienced in the mid-2000s – Putin arranged for a law that requires civil society groups to register as foreign “agents”. <...> In December, a U.S. law provided for sanctions on those responsible for the punishment and death in prison of Sergei Magnitsky, a Russian lawyer who was investigating official corruption, and for other gross violations of human rights in Russia (NYT. 2013. Apr. 18).*

В целом время в современном американском публицистическом дискурсе о России может быть определено словом «современность» и уточняться при помощи указания на конкретное время (*yesterday, last May, in 2008, etc.*).

Известно, что понимание условий создания дискурса позволяет интерпретировать смысл текста. Рассмотрим ниже следующий дискурс в контексте исторических событий, обусловивших его содержание: *When President Carter threatens an American boycott of the Moscow Olympics because of the Soviet military move into Afghanistan, that, too, is politics. But to use some of the Soviet epithets applied to it, it is a police “against peace” and for “the spirit of the cold war” (NYT. 1980. Jan. 27).*

Олимпийские игры 1980 г. проходили в Москве. Это были первые в истории Олимпийские игры, проведенные в социалистической стране. Более 50 стран бойкотировали

Олимпиаду в СССР в связи с вводом в 1979 г. советских войск в Афганистан. В ответ Советский Союз бойкотировал летние Олимпийские игры в Лос-Анджелесе в 1984 году. Таким образом, спорт в истории взаимоотношений СССР и США был площадкой для политических дискуссий.

Итак, знание исторических событий позволяет корректно оценить сравнение данной ситуации с холодной войной. Прецедентный феномен «холодная война» используется для актуализации смыслов идеологического и информационного противостояния двух стран – России и Америки.

Рассмотрим **катеорию места** в изучаемом медиадискурсе. Указание на место события дискурса зачастую выносится в сильную позицию текста. Мы встречаем имя собственное *Russia* в заголовках публикаций, в ряде случаев с пространственным предлогом *in*: *Rising Tensions With Russia*; *Russia Bars 18 Americans After Sanctions by U.S.*; *China's Leader Argues for Cooperation With Russia*; *In Putin's Russia, Shooting the Messenger*. Место события дискурса может быть обозначено в первом предложении материала: *MOSCOW – It's the sort of thing one hates hearing from one's child. "You know, mom" my 11-year-old daughter said, "It makes me particularly nervous when people make fun of gays"* (NYT. 2013. Mar. 18). Однако последнее утверждение верно не для всех публикаций. Дискурсивное событие (событие производства дискурса) не обязательно привязано к месту события дискурса (события, о котором идет речь). Например: *BERLIN – Chancellor Angela Merkel on Monday publicly expressed her government's disapproval of the way nongovernmental organizations are treated by the Kremlin, and she did so in the presence of President Vladimir V. Putin of Russia, making her the first Western leader known to have told him so directly* (NYT. 2013. Apr. 8). Место производства дискурса, нашедшее отражение в публикации «Protesters and Merkel Criticize Putin, Who Wears a Smile» (Ibid.), – Берлин; место события, о котором идет речь, – Россия, Москва.

Следующая категория, которую мы рассмотрим, – **дискурсивные топика и концепты**. Изучаемый медиадискурс демонст-

рирует тенденцию концентрировать вокруг ядерного топика основные темы дискурса, концепты, идеологемы. В американском дискурсе о России установки и ценности актуализируются, как правило, с помощью дуальных ценностных оппозиций «демократия – антидемократия», «свобода – несвобода», «цивилизация – варварство», «богатство – бедность», «индивидуализм – коллективизм», «капитализм – социализм». Например: *Forty percent, vodka is the most plentiful article of diet, outside of cucumbers and sunflower seeds, to be found in Russia; but it is not a perfect substitute for freedom of opinion* (NYT. 1961. Oct. 22). Наличие у создателя дискурса определенной идеологической позиции обнаруживается в противопоставлении традиционных русских явлений (водки, огурца и семечек) возможности свободного выражения мнений. Говорящий оказывается в ситуации, в которой он, будучи представителем либертарианских американских ценностей (свободы слова и мнения), «вынужден» сопоставлять их с ценностями представителей других стран, искать и, в ситуации идеологического противостояния, не находить. Более того, водка, огурец и семечки не являются ни в субъективном мире создателя дискурса, ни в реальном мире адекватной заменой духовной свободы; за счет комического эффекта – сопоставления несопоставимого – происходит негативизация образа России и нивелирование в целом каких бы то ни было традиционных русских ценностей.

Идеологическое противостояние реализуется не только посредством оппозиции «свобода – несвобода», но и с помощью оппозиции «богатство – бедность»: *Russia has made the proletariat free, but America has also made it rich* (Ibid.).

В следующем фрагменте актуализируется дуальная ценностная оппозиция «цивилизация – варварство»: *The troika used to be something that famished wolves pursued wildly across the snowy Russian steppes while the frantic postrider lashed his trio of tiring steeds into a desperate dash, and the frightened passengers took pot shots over the back of the careening sleigh at the fierce pack racing close behind... Eulogizing the power and speed of this Russian vehicle, he used it as a*

chauvinistic symbol of Russia itself and Russian superiority among nations. <...> Dealing with the troika as a symbol of Russian chauvinism and “holy” mission, and refuting the well-known passage from Gogol cited above, “And well it is that they stand aside, but, may be, they will cease one day to do so and will form a firm wall confronting the hurrying apparition and will check the frenzied rush of our lawlessness, for the sake of their own safety, enlightenment and civilization” (NYT. 1961. Oct. 22). Русская тройка – прецедентный феномен и известный символ России, заключающий в себе целый комплекс философских воззрений на природу русского характера и русской жизни. Это и быстрая езда, и любовь и тяга к дороге. В приведенном дискурсе тройка представлена автором публикации как символ священной миссии России, а скорость, которую тройка может развивать, – символ ее превосходства над другими странами. С другой стороны, пока Россия мчится на тройке, другие страны цивилизуются и противопоставляют ей просвещение и прогресс.

Еще одна ценностная оппозиция, которая актуализируется в анализируемом дискурсе, – «демократия – антидемократия», например: *There is the attack on communism, followed by the question as to whether we are to send “our boys” over there to try to give democracy to a nation which doesn’t want it, which doesn’t even know what it is* (NYT. 1941. Sept. 7). Демократия – та ценность, сквозь призму которой оцениваются российские реалии. Как правило, русская политическая система характеризуется как антидемократичная. Более того, в соответствии с представлениями американской прессы, русские не хотят знать и не знают, что такое демократия.

Категория *агентов* и *клиентов* раскрывается через анализ диалогичности в дискурсе. Диалогичность и интертекстуальность могут создаваться разными способами. Один из важнейших способов актуализации интертекстуальности – это цитирование. Для современного медиадискурса цитирование источников (других медиа) характерно в меньшей степени, нежели цитирование мнений экспертов или первых лиц государств, например: *“It’s a feeling of frustration that Putin and company are unnecessarily imposing strains on the*

Russian and American relationship”, **Zbigniew Brzezinski, a former national security adviser, now a trustee of the Center for Strategic and International Studies**, said in a telephone interview (NYT. 2013. Febr. 2); *“Mr Putin, who smiled wryly as the women rushed at him, their chests and backs painted with slurs in English and Russian, later told reporters that he had “enjoyed” the protest and that the organizers of the fair should be grateful to the women, “because without such actions, one would speak less about the trade fair”* (NYT. 2013. Apr. 8). Возможны также ссылки на мнения лиц, пожелавших остаться неизвестными.

Интертекстуальность в медиадискурсе возможна благодаря таким феноменам, как прекоконструкты. Понятие «прекоконструкт» получило развитие в работах М. Пешё [7] и П. Анри [6]. «Речь идет о простых высказываниях, либо взятых из предыдущих дискурсов, либо представленных таковыми» [4, с. 356]. В названии публикации *«Another Reset With Russia in Obama’s Second Term»* мы видим прекоконструкт (то есть сказанное ранее в ином контексте), актуализированный при помощи прецедентного феномена «перезагрузка отношений между Россией и Америкой». В данной публикации автор апеллирует к прецедентному феномену «холодная война»: *approach to its old cold war rival: the cold shoulder* (NYT. 2013. Febr. 1). Помимо этого, интертекстуальность реализуется при помощи апеллирования к одной и той же теме и одним и тем же концептам.

Временная историческая привязка события дискурса (о котором идет речь) или дискурсивного события (события самого дискурса) напрямую характеризует систему ценностей и установок участников дискурса. При помощи последующего вычленения идеологием создается идеологический «портрет» анализируемого дискурса. Анализ интердискурсивных связей позволяет выявить наиболее значимые тематические (концептуальные) «узлы» коммуникации. Таким образом, предложенная методика дискурс-анализа, использованная для изучения американского публицистического дискурса XX–XXI вв. о России, действительно позволяет адекватно существующим в реальности идеологическим позициям «понимать» тексты межкультурной коммуникативной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Кузнецов, В. Г. Исследование дискурса в Женевской лингвистической школе / В. Г. Кузнецов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 30–37
3. Пульчинелли, О. Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / О. Э. Пульчинелли // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 197–224.
4. Серно, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций / П. Серно // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 337–384.
5. Dijk, T. A. van. Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction / T. A. van Dijk. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.twirpx.com/file/980570>. – Title from screen.
6. Henry, P. Constructions relatives et articulations discursives / P. Henry // Langages. – 1975. – № 37. – P. 81–98.
7. Pêcheux, M. Les vérités de la Palice. Linguistique, sémantique, philosophie / M. Pêcheux. – Paris : Maspéro, 1975. – 279 p.

ИСТОЧНИКИ

NYT – The New York Times. – 1961–2013.

REFERENCES

1. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality,

Concepts, Discourse]. Volgograd : Peremena Publ., 2005. 477 p.

2. Kuznetsov V.G. Issledovanie diskursa v Zhenevskoy lingvisticheskoy shkole [The Discourse Studies in the Geneva Linguistic School]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2010, no. 1, pp. 30-37.

3. Pulchinelli O.E. K voprosu o metode i obyekte analiza diskursa [To the Question of Method and Object in Discourse Analysis]. *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Sense. The French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 197-224.

4. Serio P. Russkiy yazyk i sovetskiy politicheskiy diskurs: analiz nominalizatsiy [The Russian Language and the Soviet Political Discourse: The Analysis of Nominalizations]. *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of the Sense. The French School of the Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 337-384.

5. Dijk T.A. van. *Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction*. Available at: <http://www.twirpx.com/file/980570>.

6. Henry P. Constructions relatives et articulations discursives. *Langages*, 1975, no. 37, pp. 81-98.

7. Pêcheux M. *Les vérités de la Palice. Linguistique, sémantique, philosophie* [The Truth of la Palice. Linguistics, Semantics, Philosophy]. Paris, Maspéro Publ., 1975. 279 p.

SOURCES

The New York Times, 1961–2013.

**AMERICAN JOURNALISM OF THE 20th–21st CENTURIES
ON RUSSIA IN CATEGORIES OF DISCOURSE ANALYSIS**

Orlova Olesya Gennadyevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century,
Kemerovo State University
orlovaog@mail.ru
Krasnaya St., 6, 650043 Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The article gives the definition of discourse, deals with the methodological basics of using the discourse analysis and proposes new method of analyzing journalistic texts. This method consists of consecutive and interconnected description of discourse-forming categories, such as chronotope (place and time of discourse), ideological concepts, implemented in opposite pairs, agents and clients, forming dialogical feature of discourse. This complex method allows correct identification of the ideological content of discourse in intercultural communication.

Key words: discourse, discourse analysis, discursive categories, American journalism, concept.